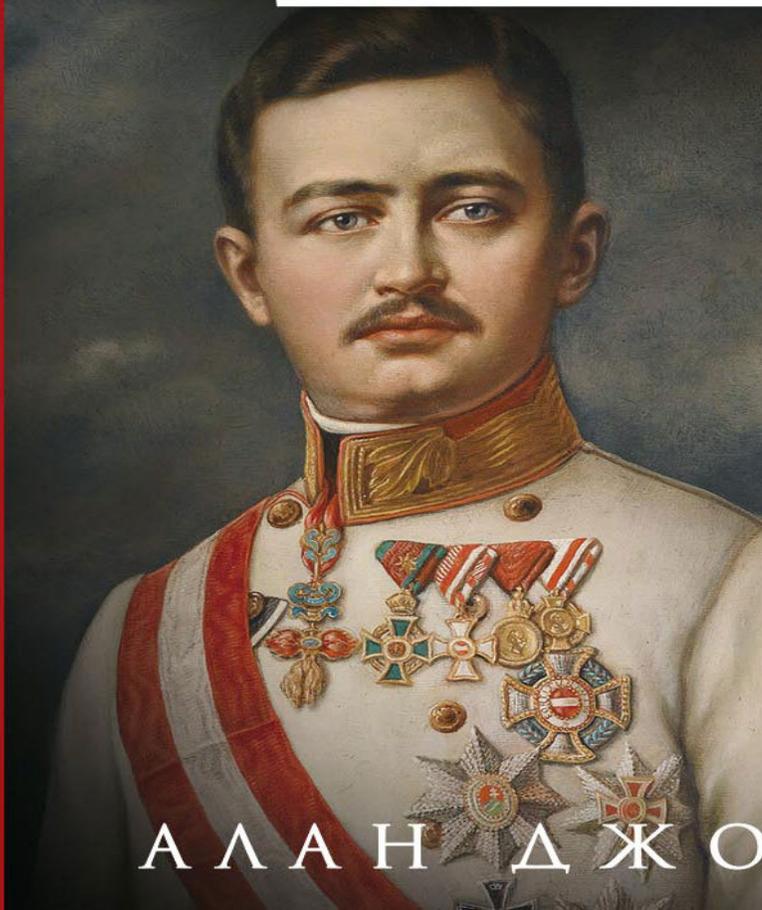

ГАБСБУРГСКАЯ МОНАРХИЯ

1809 • 1918

ИСТОРИЯ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ГЕРМАНСКОГО СОЮЗА
И АВСТРО-ВЕНГРИИ

А Л А Н Д Ж О Н Т Е Й Л О Р

Annotation

Книга британского историка Алана Дж. Тейлора – это всеобъемлющее исследование последнего столетия монархии Габсбургов от Наполеоновских войн до Первой мировой войны, позволяющее лучше понять исторические процессы, протекавшие не только в «землях Дунайской долины», но и в Европе в целом. Автор исследует уникальный характер государства, которое представляло собой совокупность наследственных владений Дома Габсбургов, населенных народами разных языков и вероисповеданий, описывает его политическое устройство и этнографическую структуру. Сосредоточив внимание на крупных исторических фигурах и событиях, Тейлор прослеживает процесс объединения империи после проведения Венского конгресса, радикальные преобразования 1848 года, имперский кризис, вызванный поражением в Австро-прусской войне, а также подъем венгерского национального движения и неминуемый распад империи в 1918 году.

- [Алан Дж. Тейлор](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Алан Дж. Тейлор
Габсбургская монархия
История Австрийской империи,
Германского союза и Австро-Венгрии
1809–1918

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2025

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2025

* * *

Посвящается Л.Б. Намиер

В знак благодарности, привязанности и уважения

Глава 1

Династия

Империя Габсбургов, распавшаяся в 1918 г., носила уникальный характер, не имевший аналога в каком-либо другом месте и в какое-либо другое время. Меттерних, европеец из Рейнской области, считал, что империя Габсбургов не принадлежит Европе. Он говорил, что «Азия начинается на Ландштрассе» – дороге из Вены на восток. Франц-Иосиф осознал, что принадлежит не к тому веку. Он как-то сказал Теодору Рузвельту: «Вы видите во мне последнего монарха старой школы». Совокупность территорий, которыми управлял Дом Габсбургов, так и не нашла четкого определения. Широкие ее границы определились в 1526 г., когда Фердинанд I (император Священной Римской империи), обладая уже множеством титулов как правитель альпийско-германских земель, стал королем Богемии и королем Венгрии; и все же почти триста лет у этих земель не существовало общего названия. Это были «земли Дома Габсбургов» или «земли императора Священной Римской империи». Между 1740 и 1745 гг., когда императорский титул перешел из рук Габсбургов, Мария Терезия могла называться лишь «королевой Венгрии», но ее империя определенно не являлась Венгерской империей. В 1804 г. Франц II (Франц-Иосиф Карл), последний император Священной Римской империи, поняв, что его императорскому титулу угрожают амбиции Наполеона, изобрел для себя титул «императора Австрии». Это также было династическое имя; империя считалась империей Австрийского Дома, а не империей австрийцев. В 1867 г. народ Венгрии заявил о своем намерении вступить в партнерство с императором, и империя стала Австро-Венгрией. Невенгерские земли до конца оставались без названия.

Габсбургские земли не были связаны воедино ни географией, ни национальностью их населения. Иногда их определяли как земли Дунайской долины. Но как они могли включать в себя Нидерланды, Брайтсгау и Северную Италию? Или в XIX в. – Галицию, Боснию, Буковину и даже Богемия? Сами Габсбурги принадлежали к германской династии. Они добавили сначала испанскую, а затем

итальянскую составную часть, не привязываясь к одному региону или народу, стали последними обладателями призрачной вселенской монархии Средних веков и унаследовали от нее космополитический характер. Жители Вены, их столицы, были немцами, что можно назвать наибольшим приближением к их национальному облику. В других странах династии – это эпизоды в истории народа, в Габсбургской империи народы – это осложнения в истории династии. Земли Габсбургов со временем приобрели общую культуру и в какой-то степени общий экономический характер: это были творения, а не создатели династии. Ни одно другое семейство не просуществовало так долго и не оставило такого глубокого следа в Европе: Габсбурги были величайшей династией современной истории, и история Центральной Европы вращается вокруг них, а не они вокруг нее.

Габсбурги в свое время исполняли множество миссий. В XVI в. они защищали Европу от турок; в XVII в. способствовали победе Контрреформации; в XVIII в. продвигали идеи Просвещения; в XIX в. служили заслоном против Великой Германии. Все это были причинно-следственные связи. Их непреходящая цель состояла в том, чтобы существовать в величии; идеи, как и народы, эксплуатировались ими для возвеличивания своего правящего дома. Отсюда готовность к экспериментам, что сделало, например, Франца-Иосифа под конец его правления сторонником всеобщего избирательного права. Они меняли идеи, территории, методы, альянсы, государственных деятелей всякий раз, когда это соответствовало их династическим интересам. Только Августейший Дом оставался неизменным. Земли Габсбургов были собранием наследственных владений, а не государством; а Габсбурги были землевладельцами, а не правителями – некоторые были щедрыми и великодушными хозяевами, некоторые слабыми и неумелыми, некоторые ненасытными и жадными, но все они стремились получить максимальную отдачу от своих арендаторов, дабы занять величественное положение в Европе. Они могли договориться о чем угодно, но только не согласиться с требованием освободиться от землевладельческой знати, что стало бы их гибелью.

Габсбурги начали свою династическую карьеру как эрцгерцоги Австрии, альпийских земель на юго-восточном побережье Священной Римской империи. В XV в. императором был избран Габсбург, представлявший собой безопасное царственное ничтожество после

предыдущих смут; и эта должность стала фактически наследственной – только между 1742 и 1745 гг. престол возглавлял император не из рода Габсбургов. Тем не менее даже Габсбурги надеялись претворить империю в реальность, а Германию сделать унитарным государством, но им требовалось больше власти, с помощью которой они могли бы подчинить себе германских князей. На протяжении веков они с особым мастерством владели оружием династического брака, и это оружие создало величие их Дома. Карл V, избранный императором в 1519 г., правил Нидерландами, Испанией, Индией и большей частью Италии. Фердинанд, его младший брат, принял эрцгерцогство Австрии и в 1526 г. стал королем Богемии и королем Венгрии. Это была заявка на всемирную монархию, монархию, связанную семейными узами. Его противники оказались слишком сильны; Франция и германские князья объединились против него, и попытка не увенчалась успехом. Фердинанд в 1526 г. обрел новое бремя, а не новую силу. После смерти последнего короля Ягеллонов^[1] в битве с турками он заполучил Богемию и Венгрию, а в 1529 г. турки осадили Вену. Вместо того чтобы покорить германских князей, эти самые князья вынуждены были спасать Габсбургов. Вена была освобождена, и турки довольствовались лишь большей частью Венгрии. Принято считать, что турецкое вторжение разрушило планы Габсбургов по установлению господства над Германией; скорее всего, это германцы спасли Габсбургов от катастрофы и позволили им продержаться вплоть до XX в. Не будь турецкой опасности, Габсбурги, без сомнения, попытались бы, подобно своим предшественникам Гогенштауфенам и Люксембургам, подчинить себе Германию, но, скорее всего, потерпели бы ту же неудачу. Как бы то ни было, турки подарили Габсбургам первую из их многочисленных миссий: Габсбурги, более ста лет ничего не предпринимавшие для освобождения венгерских земель, завоеванных турками, смогли убедить других и даже самих себя, что они являются защитниками христианства. Противоположности поддерживают друг друга, как подпорки поддерживают стену с разных сторон. Христианские церкви могли пережить ересь, но не безразличие. Габсбурги могли противостоять турецким атакам, но их власть пошла на спад вместе с ослаблением турок, пока, наконец, Габсбургская и Османская империи не пали вместе.

Творческий потенциал Габсбургов был исчерпан с падением Карла V. В 1556 г., когда он отрекся от престола и императорский титул перешел к Фердинанду, Габсбурги начали вести борьбу за сохранение своего величия и монархия Габсбургов приобрела свой устойчивый характер. Опасность первой половины XVI в. представляли собой внешние враги, распад империи стал опасностью второй половины века. Сословия различных земель стремились сохранить свою независимость и привилегии членов своей аристократии. Богемия уже приобрела национальную религию, легализовав гуситскую церковь; протестантизм распространился как на остатки Венгрии, так и на германские земли. Даже поли тика заключения браков имела свой обратный эффект, поскольку браки производили детей, и до конца XVII в. Габсбурги делили земли между своими отпрысками и заключали новые браки ради исправления последствия старых. Идея единства габсбургских земель ставила под сомнение право династии распоряжаться своими землями по своей воле, и Габсбурги стремились держать свои владения отдельно, а не объединить их. У них никогда не было Генеральных штатов или всеобщего собрания сословного представительства, как это было во Франции. Делегаты со всех габсбургских земель, кроме Тироля, встретились в Линце в 1614 г. и предложили создать центральный комитет сословного представительства, что было направлено против правления Габсбургов, а не против турок. В других странах династии действовали вместе со своими народами; Габсбурги считали, что народы могут действовать только против династии. Они искали некоего союзника против предприимчивости своих подданных, и этого союзника они нашли в Контрреформации.

Союз династии и иезуитов спас Габсбургов и победил протестантизм в Центральной Европе, что также наложило на австрийскую культуру особую печать, которую она сохранила до конца. Австрийская барочная культура, как и созданные ею здания, была роскошна, полна легкой поверхностной жизни, но внутри оставалась стерильной: это был театр, а не реальность. Ей не хватало целостности и индивидуальности – в ее сердце зияла отчаянная пустота. «Безнадежным, но не вызывающим опасение» был путеводный принцип, который эпоха барокко наложила на габсбургский мир. Глубокие чувства находили выход только в музыке,

наименее политизированном искусстве; даже здесь творческий дух стремился разорвать свои оковы, и атмосфера Вены оказалась более близка Иоганну Штраусу, чем Моцарту или Бетховену. Габсбурги научились у иезуитов терпению, хитрости и зрелищности, но они не могли научиться у них искренности и творческому подходу.

Контрреформация отвоевала германские земли мирным путем. В конце XVI в. протестантизм сохранился только в нескольких горных долинах Каринтии. Узкая полоска Габсбургской Венгрии с ее сеймом в Братиславе поддалась также легко. Центральная Венгрия была турецким пашалыком, полностью опустевшим под турецкой эксплуатацией. Венгерские земли на востоке были зависимым княжеством под турецким сюзеренитетом; и здесь оставался кальвинизм, сохраненный турками, дабы позже способствовать расшатыванию правления Габсбургов. Открытый конфликт вспыхнул в Богемии. Здесь знать, подобно сословиям Нидерландов, призвала кальвинизм и национализм на помощь аристократическим привилегиям. В отличие от Нидерландов в Богемии не имелось растущей буржуазии, которая могла бы превратить защиту привилегий в борьбу за новые свободы. Богемская знать взывала к имени Гуса и прославляла чешскую нацию, но на деле они так и не продвинулись дальше отказа платить налоги. В 1618 г. конфликт перерос в войну. Богемский сейм, встревоженный имперскими посягательствами, отказался избрать нового Габсбурга своим королем, несмотря на прежнее обещание. Вместо него они избрали германского протестантского принца, который, как полагалось, мог рассчитывать на армию кальвинистов в Германии и своего тестя, короля Англии. Габсбургская монархия, казалось, распалась: у императора не имелось ни денег, ни людей, а богемская кавалерия достигла ворот Вены. Успехи Богемии оказались недолгими: знать не пошла на жертвы, дабы защитить свои привилегии или даже свое существование; палата общин не поспешила подтолкнуть Якова I, увязшего в миролюбивой дипломатии, к отправке армии в Богемию; Кальвинистский союз предоставил мало сил для помощи Богемии, тогда как Католическая лига оказала мощную поддержку Габсбургам. В 1620 г. историческая Богемия потерпела поражение в битве у Белой горы. На смену богемской гуситской культуре пришла космополитическая барочная культура Контрреформации. Местная знать была экспроприрована

или изгнана, две трети дворянских поместий перешли в другие руки, и авантюристы из европейских стран, прихлебатели Габсбургов, создали новую, имперскую аристократию. Престол стал наследственным по линии Габсбургов; сейм, воскрешенный ордонансом 1627 г., утратил свои права и мог только выслушивать требования короны о деньгах.

Битва у Белой горы определила характер империи Габсбургов. Прежде Богемия и Венгрия являлись похожими полунезависимыми королевствами; теперь Богемия стала землей, «передаваемой по наследству» как германские земли, и Венгрия осталась в одиночестве. Чешская нация была поглощенной. Богемия существовала как административная единица. Хотя немецкий язык значился наравне с чешским, Богемия не стала германской: она стала «австрийской», т. е. космополитичной или чем-то не поддающимся определению. Победа 1620 г. стала победой абсолютизма, а не централизации. Габсбурги боялись объединять свои народы, даже подвластные им, кроме того, централизация государств выходила за пределы их административных возможностей. Сила, которую они собрали, дабы покорить Богемию, растратилась в последней попытке подчинить Германию. Пробудились старые амбиции, и имперские армии достигли берегов Балтики. Вмешательство Франции и Швеции помешало проектам Габсбургов, и Вестфальский мир, завершивший Тридцатилетнюю войну, олицетворил собою вердикт, согласно которому Германия не сможет достичь единства Священной Римской империи. Существовала и другая сторона вердикта: Габсбурги, хотя и потерпевшие поражение как императоры, не были приговорены к смерти – они оставались великими правителями своих династических земель. Австрийский Дом получил европейское признание уже не как обладатель имперского титула, а благодаря своей собственной силе.

Последний элемент конституции Габсбургской монархии был добавлен с признанием Венгрии. Габсбурги были спровоцированы последним всплеском турецкой решительности, приведшей ко второй турецкой осаде Вены в 1683 г. Когда осада провалилась, турки быстро отхлынули назад, и к концу XVII в. войска Габсбургов очистили практически всю Венгрию от турок. У Габсбургов имелся еще один повод для спешки. Землевладельцы, образовавшие венгерскую нацию, были полны решимости избежать участи Богемии: освобожденные от турок, они восстали против Габсбургов и в 1707 г. свергли своего

габсбургского короля. Однако битва на Белой горе повторилась не за их счет; войска Габсбургов были полностью вовлечены в Войну за испанское наследство и не могли быть направлены на усмирение венгерской знати. Компромисс, первый из многих, между Габсбургами и Венгрией последовал в 1711 г. По Сатмарскому миру венгерская знать во главе с Александром Кароли оставила своего ли дера Ференца Ракоци и признала габсбургского правителя королем; он, в свою очередь, признал традиционную конституцию и привилегии Венгрии. Венгрия сохранила свой феодальный сейм, свое отдельное существование и привилегии своего землевладельческого класса. Прежде всего она сохранила комитат, коллегиальный орган, единственный в своем роде в Европе институт автономного местного самоуправления. Габсбургское управление остановилось на венгерской границе; даже в периоды абсолютизма Венгрией управляли избранные комитеты дворянства, которые никогда не применяли меры, противоречащие их привилегиям. Образ будущего Венгрии был определен: Габсбурги воспринимались королями только до тех пор, пока они поддерживали «свободу» землевладельцев. Александр Кароли, инициатор Сатмарского мира, спас свой класс и в то же время основал величие своей семьи; двести лет спустя его потомок провозгласил конец монархии Габсбургов в последней попытке спасти великую Венгрию.

Сатмарский мир был подтвержден с опозданием на двенадцать лет в Прагматической санкции^[2], законной хартии Габсбургской монархии. Карл VI, император с 1711 г., не имел наследника мужского пола. Он хотел, чтобы его земли избежали участи раздела, которая недавно постигла Испанскую империю, раздела, в котором Карл был соискателем. Основной закон, или Прагматическая санкция, которую он обнародовал, закреплял право наследования за его дочерью, более того, он утверждал неделимость земель Габсбургов. Габсбургская монархия была установившейся империей, а не совокупностью провинций, случайно управляемых одним и тем же князем. Чтобы усилить Прагматическую санкцию, Карл утвердил ее на сейме своего государства. Это было легко сделать в «наследственных землях», Богемии и германских княжествах, где сеймы утратили всякую силу. Венгерский сейм настаивал на дальнейшем официальном признании венгерских «прав, свобод и привилегий, иммунитетов, прерогатив и

правомочных обычаев». Таким образом, Прагматическая санкция содержала в себе противоречие, фундаментальное противоречие империи Габсбургов. Для Габсбургов это служило правовой основой единства их империи, а для Венгрии это было законным подтверждением их привилегий, т. е. отдельного существования Венгрии и, следовательно, раздробленности империи.

Прагматическая санкция не обеспечила Марии Терезии мирного престолонаследия. В 1740 г. существование Габсбургской монархии оказалось под вопросом, как и в 1618 г. Король Пруссии потребовал Силезию и, завоевав ее, изменил баланс германских и негерманских народов на землях богемской короны. Не будучи представителем Габсбургов, курфюрст Баварии был избран императором, а французская армия вторглась в Богемию и заняла Прагу. Мария Терезия использовала оружие своих предков: терпение и упрямство, профессиональную армию и мудрую политику альянсов. Она не пыталась взывать к поддержке свои народы. Ее единственное обращение к патриотизму, ее впечатляющее выступление на венгерском сейме в 1741 г., не имело успеха. Венгерская знать действительно заявила, что они умрут за свою императрицу, Марию Терезию. Однако они не хотели платить ей налоги, и само провозглашение преданности служило подтверждением, что Венгрия признает только венгерского короля и ее не заботит единство габсбургских земель. Кризис 1740 г. породил веру в то, что обращение к народам не поможет династии, а будет использовано ими для получения пагубных уступок. Когда Мария Терезия победила своих внешних врагов, она продолжила укреплять единство своей империи.

Карл V сделал земли Габсбургов юридической единицей, а Мария Терезия претворила это единение в жизнь. Когда она взошла на трон, провинции значили все, а центр – ничто; «Империя» состояла всего лишь из двора и армии. Мария Терезия создала в своей империи бюрократическую систему, без которой она не смогла бы существовать как великая держава. Богемскую канцелярию упразднили, и в Вене создали центральное управление. Представители этого центрального органа, независимые от провинциальных сеймов, контролировали местную администрацию. Крупные землевладельцы по-прежнему осуществляли «вотчинную юрисдикцию» над своими крестьянами; такое положение просуществовало до 1848 г. Его ценность для

землевладельца являлась скорее финансовой, чем политической; на самом деле помещики часто использовали местную имперскую власть в качестве своего представителя закона. Крайсгауптман, окружной руководитель, был краеугольным камнем империи, созданной Марией Терезией, чиновником, кем-то между интендантом и префектом. Как и в бурбонской Франции, провинции продолжали свое существование; как и в наполеоновской Франции, руководитель контролировал новую искусственную единицу, округ. Земельные магнаты потеряли всякую реальную власть и, дабы восстановить ее, стали впоследствии провинциальными патриотами и даже на некоторое время либералами.

Имперская система, созданная Марией Терезией, была исключительно имперской и даже «австрийской», она не имела определенного национального характера. И все же члены Имперской канцелярии в Вене и большинство руководителей округов были немцами: они получили немецкое образование и использовали немецкий язык для официальных деловых контактов между собой. Они были бы удивлены, узнав, что участвуют в «германской миссии». В то же время, как только всколыхнулся национальный дух, германизированная бюрократия дала германскому национализму право на наследство Габсбургов. Да и сами Габсбурги ломали голову над вопросом, германская ли они династия.

Венгрия избежала реформ Марии Терезии, очередной раз защищенная внешними проблемами Габсбургов от порабощения. Мария Терезия тоже не могла позволить себе Белогорскую битву. Таким образом, Венгрия сохранила отдельную канцелярию и автономную администрацию, не контролируемую имперской бюрократией. Мария Терезия намеревалась лишить Венгрию привилегированного положения путем постепенного вмешательства в ее дела. После окончания Семилетней войны она больше не созывала венгерский сейм; она не содержала отдельного венгерского двора, и знатные венгерские аристократы призывались к императорскому двору в Вене, где они приобретали австрийский, космополитический характер. Венгрию экономически рассматривали как австрийскую колонию в меркантильном смысле. Поскольку венгерские землевладельцы не платили налогов, деньги изымались из Венгрии за счет высоких налогов на товары, ввозимые туда из других владений Габсбургов, и, чтобы сохранить доход от этих налогов, Венгрии

запрещалось импортировать товары из других стран или производить товары самостоятельно. Такая система устраивала венгерских аристократов; обнищание собственной страны служило не слишком высокой ценой за сохранение их привилегированного положения. Любое улучшение в наследственных землях делало Венгрию все большим исключением в политическом и социальном плане. Мария Терезия была истинной основательницей Австрийской империи; остановив свои реформы на границе с Венгрией, она также стала основательницей дуализма.

Иосиф II с нетерпением наблюдал за осторожностью и компромиссом своей матери. После ее смерти в 1780 г. он сразу же решил довести ее работу до логического завершения и превратить империю в централизованное эгалитарное государство. Он отказался короноваться как король Венгрии и признать привилегии Венгрии или созвать сейм; комитат был упразднен, а Венгрия попала под власть немецкой бюрократии. Иосиф II не сомневался в характере своей империи: это должно было быть германское государство. «Я император германского рейха, следовательно, все остальные государства, которыми я владею, являются его провинциями», – заявил он. Иосиф также разорвал связь Габсбургов с Римской церковью. Многие монастыри были распущены; протестанты и евреи освобождены от наложенных на них ограничений; и церковь, лишенная своего привилегированного положения, отошла под контроль государства более строгий, чем тот, который навязал Французской церкви Наполеон в 1801 г. Светское мышление должно было наконец зашевелиться, и тлеющие угли протестантизма заново вспыхнули в Богемии. Предоставив свободу евреям, Иосиф II породил самых лояльных австрийцев. Одних только евреев не беспокоили конфликты между династическими и национальными требованиями: они были безоговорочно австрийскими.

Аграрная реформа Иосифа II еще более решительно повлияла на будущий характер габсбургских земель: все остальное последовало из нее. Отмена крепостного права являлась одним из основных принципов просвещенных деспотов, и Иосиф II едва ли не единственный предоставил свободу крепостным, не ослабив при этом их связи с землей. Строго говоря, крепостное право (система, при которой крестьяне считались движимым имуществом, прикрепленным

к земле) существовало только в Богемии и в Венгрии; в германских землях крестьяне считались свободными людьми, хотя и держали свою землю на феодальных владениях. Иосиф II отменил истинное крепостное право, как это сделали большинство немецких князей (хотя в Пруссии даже это пришлось ждать до времен Штейна). Однако повсюду в Германии, и даже в реформах Штейна, когда крестьян освобождали от крепостной зависимости, у них отбирали землю. Крестьяне не получали гарантированное право на владение землей, и только наиболее богатые крестьяне могли сохранить свою землю; беднейшие крестьяне были «согнаны» с земли и стали безземельными батраками. Иосиф II сделал такое изгнание крестьян с земли (Bauernlegung) невозможным. Мария Терезия уже произвела земельную перепись со строгим разделением между владениями знати и крестьян – доместикальными и рустикальными землями на правовом жаргоне того времени. Иосиф II навсегда запретил приобретение знатью рустикальных земель и предоставил большей части этих земель гарантию владения. Его главной целью, без сомнения, служило предотвращение увеличения доместикальной земли, с которой платили меньше налогов, а в Венгрии не платили вообще; таким образом, в результате удалось сохранить крестьянство. Рустикальная земля все еще была обременена барщиной (Robot), и такое положение просуществовало до 1842 г. Крестьянин-арендатор доместикальной земли тоже должен был ждать до этого времени гарантированного права владения землей. Но решительный шаг был сделан. Крестьянский класс добился прав, которые в других странах Европы обеспечила только Французская революция. Хотя бедные крестьяне продолжали продавать свои владения и покидать землю, особенно после 1848 г., они могли продавать ее только более богатым крестьянам, а не дворянству, крупному или мелкому; право собственности перемещалось внутри класса, а не из одного класса в другой. Поэтому там, где господствовало правление Габсбургов, выживали крестьянские общины^[3], а вместе с ними и крестьянство. Политически монархия Габсбургов оставалась деспотией; в социальном плане она стояла ближе к революционной Франции, чем Пруссия или даже государства Западной Германии. Более того, в XIX в., когда деспотизм зашатался, французские политические идеи нашли здесь более живой отклик, чем в Германии, – интеллектуальные

лидеры в Габсбургской монархии уходили своими корнями, как и французские радикалы, в свободное крестьянство.

Тем не менее Габсбургская монархия была далека от якобинской Франции, и за это Иосиф II тоже нес ответственность. Его аграрная система, как это ни парадоксально, принесла пользу также крупной аристократии, классу, который придавал империи Габсбургов особый колорит. Гарантия прав крестьянского землевладения ударила по мелкому дворянству: это препятствовало постепенному наращиванию дворянского поместья. Большие поместья уже были созданы и продолжали увеличиваться за счет мелкого дворянства. Точно так же каждый переход к денежной экономике наносил ущерб мелкому дворянину, который полностью растрачивал ту небольшую сумму, которую он получал; крупные дворяне получали большие суммы и превращались при помощи них в капиталистов. За исключением Венгрии, здесь не существовало влиятельного класса юнкеров; и даже в Венгрии после 1848 г. венгерское «шляхетство» следовало по иной линии, чем прусские юнкеры. Таким образом, монархия Габсбургов сохранила силу двух других классов, находившихся в упадке: великих аристократов, которые сделали ее более консервативной, чем остальная Центральная Европа, и крестьян-землевладельцев, сделавших ее более радикальной. Оба класса уравнивали городского капиталиста, который в других странах оставался преобладающей фигурой либерализма XIX в. Иосиф II намеревался превратить свою империю в германское государство; его аграрная реформа замедлила победу социального класса и экономической системы, служивших знаменосцами германского национализма. Крестьяне покидали землю не так массово, как в Германии, не говоря уже об Англии, поэтому австрийской промышленности пришлось дольше ждать дешевой рабочей силы в лице безземельного пролетариата. Отсталая промышленность прикрывалась запретительными пошлинами и тем самым отрезала Австрию от немецкого Zollverein (Германский таможенный союз). Не стоит искать здесь единственное объяснение неспособности Габсбургов выдержать борьбу за власть. Промышленные достижения Австрии основывались на богемских ремеслах и искусстве, а Габсбургской монархии не хватало обильных запасов угля, что служило тайной силой XIX в. Два фактора действовали вместе, так что невозможно оценить степень их

веса или порядок. Как и во Франции, нехватка угля и безземельного пролетариата в совокупности давали один и тот же результат; а в XIX в. Франция и Габсбургская монархия, две традиционные великие державы Европы, меркли на фоне дымящихся труб Рура.

Успехи Иосифа II стали поразительным достижением философии Просвещения, свидетельством силы имперского устройства. Иосиф II вмещался во все великое и малое; весь Конвент^[4] умещался в нем одном. Такая изоляция была его слабостью. Его революционная политика не имела поддержки революционного класса. Наполеон пришел после великой революции и мог опираться на французских крестьян. Иосиф II осудил Французскую революцию, заявив: «Я король по роду занятий», и таким образом признал противоречие, лежавшее в основе своих действий. Его цель могла быть достигнута только при помощи революции, но революция уничтожила бы династию. Как бы то ни было, дворяне защищали свои привилегии, крестьяне – свои суеверия, а владения Иосифа превратились в череду Вандей^[5]. Наиболее сильное сопротивление, вылившееся в восстание, вспыхнуло в Венгрии, где притязания на традиционные права придавали защите социальных привилегий ложный налет либерализма. Даже в Богемии имперская знать, импортированная Габсбургами, прикрывала свою враждебность к социальным реформам демонстрацией богемского патриотизма, а в вестибюлях Хофбурга потомки германских, шотландских или испанских авантюристов демонстративно обменивались несколькими чешскими словами, которые они с трудом переняли у своих конюхов. Политика Богемии XIX в. провела свою первую репетицию.

Иосиф II умер в 1790 г.; бескомпромиссный до последнего, он постарался, чтобы его поражение было полным. Леопольд II, его преемник, не был так поработчен необоснованными теориями. Он восстановил барщину, которую Иосиф II упразднил в 1789 г.; остальные аграрные реформы Иосифа остались в силе. Леопольд был вполне готов стать королем Богемии; он не собирался изменять Пересмотренный ордонанс 1627 г. или восстанавливать Канцелярию Богемии. Его концессии, как и предыдущее восстание, являлись действительными только в Венгрии. Был созван сейм, и отдельные привилегии Венгрии были формально признаны заново; в частности, администрация автономного округа восстановила свои полномочия.

Это была решающая уступка. Леопольд не воспринял всерьез свое обещание созывать сейм раз в три года, и его преемник игнорировал обещание до 1825 г. Этот абсолютистский период остановил дальнейшее развитие венгерского сепаратизма; невозможно было повернуть течение вспять, пока все местное управление находилось вне имперского контроля. Комитаты сохранили аристократическую Венгрию; кроме того, хотя по закону им вменялось проводить аграрную реформу Иосифа II, они обращались с землевладельцами осторожно и, таким образом, сохраняли венгерское «шляхетство» на земле вплоть до 1848 г. И снова кризис пошел по знакомой схеме: династия и привилегированная Венгрия уклонились от смертельной борьбы. Был допущен еще один компромисс, и снова за счет венгерского народа.

В более широкой сфере деятельности события также разворачивались по обычному сценарию. Еще со времен Карла V Габсбургская монархия сталкивалась с внешней опасностью в первой половине каждого столетия и с внутренними проблемами – во второй. Леопольд II преждевременно умер в 1792 г., оставив проблемы империи своему тяжеловесному, совершенно неопытному сыну Францу II, последнему императору Священной Римской империи и первому императору Австрии. Эти проблемы сразу же омрачились войной против Франции, начавшейся в 1792 г. и продолжавшейся с перерывами до 1814 г. Реформа и якобиты стали взаимозаменяемыми терминами. Война принесла Габсбургам целый ряд бедствий. Они были изгнаны из Италии и из Рейнской области; Вена дважды была оккупирована французскими войсками; а в 1806 г. Наполеон, сам ставший вселенским императором, вынудил Франца упразднить Священную Римскую империю. Против новых военных сил Франц использовал старое оружие – терпение и упорство, профессиональные армии и политику альянсов. Габсбурги, будучи в XVIII в. реформаторской династией, стали поборниками консерватизма, и защита их семейного статуса объединилась с общими интересами европейской стабильности. В очередной раз, и снова непреднамеренно, Габсбурги обнаружили, что обременены миссией защищать Европу от революции, как они когда-то защитили ее от турок. В кульминационный момент наполеоновской эпохи даже эго первых амбиций Габсбургов показало признаки шевеления: в войне 1809 г.

Франц прославился как освободитель Германии и лидер германской нации. Эта война закончилась катастрофическим поражением, и Франц был рад вернуть благосклонность Наполеона, прибегнув к более привычному для Габсбургов оружию брака. Последняя освободительная война одержала победу не при помощи привычного энтузиазма: она была выиграна жестко дисциплинированными крестьянскими армиями и благодаря неохотному сотрудничеству между великими союзниками, достаточно продолжительному, чтобы дать Наполеону нанести себе поражение своей собственной энергией.

К моменту окончания войны в 1814 г. Франц правил уже двадцать лет. Он сумел сохранить свое династическое величие в войне, и не потерять это величие было самое большее, что он намеревался сделать в мирное время. Он ненавидел перемены, народную инициативу и вообще любое возбуждение в политических делах. Его консерватизм остановился на венгерских привилегиях, оскорблявших его имперскую власть, и он намеревался продолжить ослабление особого положения Венгрии, которое было приостановлено при его предшественниках. Как только в Европе восстановился мир, правитель Габсбургов, казалось, взялся за прежнюю борьбу против распада империи; медленное и нерегулярное наступление имперской власти на традиционные права и исключения должно было возобновиться. XIX в. добавил новую тему в историю Габсбургской монархии: у народов империи появились свои желания и амбиции, которые оказались несовместимы друг с другом и с существованием династии. Габсбурги по-прежнему занимали центральное место на сцене, но им пришлось снисходительно улыбаться другим актерам и, наконец, принимать подсказки от работников сцены.

Глава 2

Народы

Франц I, которому рассказали о некоем австрийском патриоте, раздражительно спросил: «Но патриот ли он для меня?» Император был излишне дотошным. Австрия являлась имперским объединением, а не страной, и быть австрийцем означало быть свободным от национальных чувств, а не иметь национальность. Со времен битвы на Белой горе до правления Марии Терезии «Австрия» олицетворялась земельной аристократией, «магнатами». Даже будучи немцами, они считали себя австрийцами, подобно тому как прусская знать считала себя исключительно пруссаками. В Богемии, на родине крупнейших поместий, они были особенно оторваны от местных настроений, поскольку эти великие землевладельцы были чисто габсбургскими творениями в период Тридцатилетней войны. Даже венгерские магнаты, Эстерхази, Каролы, Андраши, не имели традиционного прошлого: их величие также покоилось на пожалованиях Габсбургов, сделанных, когда Венгрия была отвоевана у турок, а восстание Ракоци подавлено. Коренное дворянство существовало только в Галиции и в Италии. Польские магнаты не считали себя обязанными своим величием Габсбургам и никогда не забывали, что они поляки – хотя они отрицали эту национальность для своих крестьян. Итальянская знать являлись космополитами, но Италия была их вселенной. Помимо Галиции и Италии, Австрийская империя представляла собой богатую коллекцию ирландцев, за исключением того, что – в отличие от ирландских лендлордов, у которых, во всяком случае, имелся родной дом в Англии, – у австрийской знати не имелось другого дома, кроме императорского двора.

Австрийская знать жила в замкнутом кругу: крупные магнаты знали только со своим сословием, женились только в его пределах и пользовались придворным космополитическим языком – сначала французским или итальянским, позднее немецким. Иштван Сеченьи, величайший венгр, вел свой личный дневник на немецком языке, и даже в XX в. Михай Каройи, последний знаменитый венгерский аристократ и политик, говорил по-французски и по-немецки лучше,

чем по-венгерски. Это сословие дало высших армейских офицеров, дипломатов и нескольких крупных государственных деятелей; в своих феодальных судах они вершили правосудие и до реформ Марии Терезии и Иосифа II, направленных на централизацию, продолжали управлять империей. Монархия позволяла аристократам эксплуатировать своих крестьян, а взамен аристократы поддерживали монархию. Реформаторская деятельность монархии угрожала аристократическому положению. Централизация бросала вызов их независимости, аграрная реформа бросала вызов их экономическим привилегиям, а рост имперской бюрократии уничтожил их монополию на местное управление. В результате в XIX в. аристократии пришлось защищать свои традиционные привилегии от монархии, хотя они и являлись ее порождением. Подобно ирландскому гарнизону, эти землевладельцы, чуждые по духу и часто по происхождению, приняли либеральный и даже национальный вид. Тем не менее они никогда не забывали, что их существование было связано с монархией: и, хотя они оказывали сопротивление, они всегда возвращались ко двору и в очередной раз разочаровывали своих либеральных или национальных соратников. Крупные землевладельцы, несмотря на их случайные фронды, до конца оставались основным ядром Габсбургской монархии.

Тем не менее с того времени, как Мария Терезия учредила центральную канцелярию в Вене, существовало еще одно сословие, которое могло претендовать на то, чтобы быть, по существу, «австрийским». Это была бюрократия, люди, создававшие имперскую структуру. Это сословие также не имело единого национального или даже классового происхождения. Кто-то был знатным аристократом, кто-то венгром, кто-то вроде Коловрата, даже чехом. Большинство из них были немцами из городских сообществ; хотя они и обладали своими титулами, по австрийским понятиям они принадлежали ко «второсортному обществу». Бюрократы не поддерживали ни местного патриотизма, ни аристократических привилегий, их идеалом служила единая империя, основанная на принципах «просвещенного абсолютизма». Как и Иосиф II, их кумир, они не принадлежали к националистическим фанатикам, но они никогда не предполагали, что империя может быть чем-то иным, кроме как германским государством. Немецкий неизменно служил языком центральной

администрации, и поэтому он стал языком также местной администрации, как только она перешла под центральный контроль. Имперские чиновники имели не только централизующую, но и культурную задачу: им надлежало распространять Просвещение, что также означало распространение немецкого языка. Никакого другого культурного языка не существовало; не было литературных произведений, философских трактатов, даже работ по агрономии, кроме как на немецком языке; никаких других обучающихся, кроме как в немецких университетах; никаких источников культуры, из которых можно было бы черпать, кроме немецких. Точно так же Маколей, человек отнюдь не антилиберальных или националистических взглядов, полагал, что культурный уровень Индии должен был подняться за счет чтения индийцами произведений Шекспира и изучения доктрин Прославленной революции.

Связь, делавшая бюрократов немцами, оказалась прочнее, чем культура. Чиновники, часто по происхождению, всегда по роду занятий, относились к горожанам, а города Габсбургской монархии по своему характеру все были немецкими. Габсбургская монархия в подавляющем большинстве являлась аграрной. История нескольких старинных городов, которые когда-то возникли в сельской местности, прервалась: Чешская Прага – при Габсбургах, венгерский Будапешт – при турках. То, что осталось, служило факториями, некоторые из которых преднамеренно заселялись Габсбургами, а некоторые постепенно развивались предприимчивыми торговцами, немецкими по языку и культуре. Прага, Будапешт, Загреб, Брно, Братислава считались настолько такими же немецкими, как Линц или Инсбрук, что у них появились немецкие названия. В Праге в 1815 г. насчитывалось 50 000 немцев и только 15 000 чехов, даже в 1848 г. почтенные горожане говорили на улицах только по-немецки, а спросить дорогу по-чешски означало бы нарваться на оскорбительный ответ. Еще в 1848 г. в Будапеште венгры составляли немногим более трети населения; в 1820-х гг. выходило две ежедневные газеты на немецком языке и ни одной на венгерском; и Будапештский городской совет вел свои дела на немецком языке до самых 1880-х гг. И все же в период настоящего возрождения Прага и Будапешт являлись национальными столицами. Небольшие города оставались немецкими гораздо дольше, некоторые, такие как Брно, до XX в. И здесь единственным исключением были

Северная Италия и Галиция, приобретенные слишком поздно, чтобы следовать по габсбургскому образцу. В Кракове и Львове преобладали поляки, а торговцы были евреями, а не немцами. В Северной Европе Италия стала местом зарождения как торговли, так и городской жизни; для своего создания итальянские города не нуждались в немцах. Германский характер города практически не связывался с народом. Некоторые горожане привлекались Габсбургами из Германии, многие были мигрантами из сельской местности. Немец означал принадлежность к сословию. Это означало, по сути, торговца – лавочника, купца, ремесленника или ростовщика. Отсюда это распространилось на всех, кто вовлекался в городские занятия, – писателей, школьных учителей, писарей, адвокатов. Предприимчивый сын крестьянина, чеха, румына или серба, прибывший в город, учился немецкому ремеслу и общался со своими товарищами-лавочниками по-немецки; его дети презирали крестьянский выговор своего отца, а его внуки, благополучно поступив на казенные должности, забыли, что когда-то были кем-то, кроме как немцами и городскими жителями. Таким образом, города служили одновременно островками немецкой культуры и имперской лояльности. Торговцам не имело особого смысла заботиться о провинциальных вольностях, которые являлись исключительно привилегиями дворян-землевладельцев. Таким образом, конфликт между централизованной монархией и провинциями являлся также конфликтом между городской буржуазией и земельной аристократией; а это, в свою очередь, проявилось как конфликт между немецким господством и национальной разнородностью. Конечно, у немецкого среднего класса тоже возникали свои конфликты с монархией. Несмотря на то что они поддерживали монархию, они хотели империю, основанную на «либеральных» принципах. Они представляли влияние знатнейшей аристократии при дворе; они хотели иметь право голоса как в политике, так и в управлении, и не одобряли расточительность и беспорядочное управление финансами Габсбургов. Тем не менее эти недовольства не бросали вызов существованию империи; это были диспуты лишь о том, с какой скоростью она должна идти по пути централизации и реформ. Немецкие бюрократы и капиталисты были и оставались имперскими.

Это сословие являлось, однако, лишь *paus legal* (законно оплачиваемыми) немцами, и в течение XIX в. оно отстало от своих соотечественников. В последнее столетие габсбургской истории преобладали национальные проблемы, и первой из этих проблем по времени стал немецкий национализм. Поначалу это не бросало вызов существованию династии, и национализм стремился изменить только характер империи, возможно, всего лишь поспособствовать ее развитию. Поскольку старая империя носила национальный характер, этот характер являлся германским. Император Священной Римской империи повсеместно, хотя и весьма вольно, назывался «германским императором», а начиная с XV в. империя была известна как «Священная Римская империя германской нации». Между 1806 и 1815 гг. никакой Германии не существовало, а после 1815 г. немецкие подданные Габсбургов снова стали членами Германской конфедерации. Более того, имперская культура повсюду была немецкой, за исключением космополитической культуры двора; университеты были немецкими; вполне под благовидным предлогом позже можно было с уверенностью утверждать, что немецкий язык был австрийским «государственным языком». Даже представительное правительство, классическое либеральное требование, укрепило бы немецкую позицию. Немцы, составлявшие лишь одну треть населения, платили две трети прямых налогов; а отдельно взятый немец платил налогов в два раза больше, чем чех или итальянец, почти в пять раз больше, чем поляк, и в семь раз больше, чем хорват или серб.

По этой причине ограниченное избирательное право, основанное на налогообложении, которое служило всеобщей либеральной программой, вернуло бы парламенту преимущественно немецкий характер. Немцы оказались перед дилеммой только тогда, когда национализм перерос в требование единого национального государства. Некоторые из них избрали экстремальный курс, выступая за свержение Габсбургов в пользу национальной Германии; другие – курс, столь же экстремальный, предлагая слияние в национальную Германию всей Германской конфедерации; сюда входили чехи и словенцы, включая даже Венгрию. Эта надежда потерпела крах в 1866 г.: австрийские немцы были исключены из национальной Германии, и начался конфликт лояльности. Но теперь немцы не могли с прежней легкостью выступить против Габсбургов. Другие нации

империи начали высказывать свои претензии – претензии, направленные скорее против немцев, чем против императора. Распад Габсбургской империи мог принести немцам желаемое – включение в Германское национальное государство. Однако это могло привести к чему-то гораздо худшему – потере их привилегированного положения на землях, которые традиционно принадлежали им. Так что немцы до конца не могли определиться в своей лояльности: быть ли им, хотя и не безоговорочно, «австрийскими» в качестве крупных землевладельцев и крупных капиталистов или не терять надежды, что империя все еще может превратиться в империю «для них».

Габсбургская монархия начала XIX в. держалась, таким образом, на двух опорах – крупной аристократии и немецкой буржуазии. Более широкие немецкие настроения, расплывчато либеральные и национальные, оказывали на нее давление, но они не угрожали ее существованию. Этому балансу бросали вызов две другие силы, требовавшие изменения ее характера, а иногда и конца монархии, – традиционный национализм мелкой венгерской и хорватской знати и новаторский национализм крестьянских масс. Единственная в своем роде политическая история Венгрии привела к социальному результату, примечательному для Европы и уникальному для Габсбургской монархии: мелкие землевладельцы уцелели. В Богемии и немецких землях между знатными аристократами и крестьянами не имелось ничего общего. В Венгрии из десяти миллионов населения полмиллиона являлись «знатью». Эти полмиллиона составляли «венгерскую нацию». Подобно слову немец, венгр или мадьяр были классовыми терминами: они означали собственника земли, освобожденного от поземельного налога, того, кто посещал окружные собрания и принимал участие в выборах сейма. Владения этих помещиков варьировались от больших поместий, почти сопоставимых с владениями магнатов, до мелких, уступающих владениям многих крестьян. Около трети знати имели поместья, обеспечивавшие досуг и доход, и эти фамилии служили поборниками «тысячелетней Венгрии». В этой фразе замалчивалось столетие и три четверти турецкого господства, она представляла Венгрию как уникальную древность и предполагала, что Венгрия включалась в привилегии землевладельцев. В XIX в. традиционный патриотизм принял облик современного национализма, а консервативная защита традиционных прав

трансформировалась в утверждение либеральных принципов. Действительность осталась прежней: притязания знати на свое привилегированное положение. Эта мелкопоместная знать никогда не отваживалась на большее, чем молчаливое согласие с правлением Габсбургов; все их привилегии были защищены от имперского посягательства в сфере управления, законотворчества или налогообложения. В прошлом их неоднократно покидали магнаты, нажившие себе состояние, иногда путем посредничества между правителем Габсбургов и венгерским сеймом, но чаще всего выступая в качестве представителей Габсбургов. Центральным событием в истории Венгрии XIX в. стал компромисс между магнатами и мелким дворянством; он служил неотъемлемой прелюдией к компромиссу между Венгрией и Габсбургами, который сохранял устаревший общественный строй в Венгрии до XX в.

Мелкое дворянство существовало также в Хорватии, которая сама являлась зависимым королевством венгерской короны. Это дворянство тоже не имело национального характера; вернее, его национализм также защищал сословные привилегии. Между венгерскими и хорватскими дворянами не существовало вражды. На самом деле хорватские привилегии уцелели благодаря союзу с Венгрией; в изоляции хорватские дворяне разделили бы судьбу чехов. В 1790 г., в самый разгар борьбы против Иосифа II, хорватский сейм передал уплату налогов венгерскому сейму как более сильному органу, более способному к сопротивлению. И в то же время они передали полномочия хорватского графства венгерскому управлению в Будапеште, а не губернатору Хорватии, имперскому представителю. Еще в XIX в. хорватское дворянство считало, что более тесные связи с Венгрией служат им безопасным путем. В 1827 г. хорватский сейм постановил, что мадьярский язык следует преподавать в хорватских школах, а в 1830 г. потребовал этого от хорватских чиновников.

Только когда вместо латыни им потребовался мадьярский язык, хорватские дворяне начали менять курс и ощущать конфликт между своими национальными и классовыми интересами. Мадьярский национализм толкнул хорватскую шляхту в руки Габсбургов. Кроме того, два других фактора отличали хорватов от венгерских дворян. Во-первых, хорватских магнатов не существовало. Крупнейшие хорватские землевладельцы были венгерскими магнатами,

безразличными к хорватским привилегиям, поэтому хорватское дворянство вряд ли могло рискнуть пойти на конфликт с империей. В любом случае второе отличие делало подобный конфликт гораздо менее вероятным. Венгерское шляхетство жило обособленно и отдаленно в своих графствах; немногие из них поступали на королевскую службу; они были склонны считать венгерского короля иностранцем, часто враждебным им. Хорватия никогда не захватывалась турками и как пограничное королевство принимала активное участие в борьбе с ними. Хорватская шляхта имела традицию военной службы и из поколения в поколение поставляла значительную часть полковых офицеров в армию Габсбургов. Она верно служила династии, а венгры лишь заключили с ней расчетливую сделку. Кроме того, хорватская знать была гораздо менее ловкой; в конце концов, полковые офицеры в каждой стране – ограниченные и недальновидные политики. Этим хорватских шляхтичей ждала несчастливая участь – быть обманутыми всеми по очереди: своими венгерскими братьями-шляхтичами, своим королем и, наконец, даже хорватским народом.

Не только в Хорватии, но и во всей империи революционная ситуация XIX в. вторглась в народную политику, т. е. политику народных «масс». Демократические притязания не являлись чем-то уникальным для Габсбургской монархии; что можно назвать уникальным, так это представление этих требований в национальной форме. Традиционные, или, как их стали называть, «исторические», нации были сословными нациями: венгерская шляхта, немецкие торговцы. Ни те ни другие не ассимилировали народности, от которых венгры получали свою ренту, а немцы – свою прибыль; не существовало австрийской амальгамы, и в результате каждое расширение политического общества увеличивало национальную запутанность империи. Крестьянские массы заявили о своем существовании, что стало важнейшим фактом как в национальной, так и в социальной истории. Такое обобщение упрощает и искажает процесс. В первой фазе, достигшей своего апогея в 1848 г., крестьянские массы почти не шевелились; самое большее, они пустили новые ростки интеллектуальной жизни. Нации, вновь появившиеся на исторической сцене в 1848 г., являлись творениями писателей и существовали еще только в воображении; это были нации, в которых писателей насчитывалось больше, чем читателей. Эти

писатели явились результатом аграрной системы, созданной Марией Терезией и Иосифом II: они были сыновьями зажиточных крестьян, австрийской версией сословия, породившего якобинцев во Франции. Якобинцы завершили французское национальное единство, а в Центральной Европе интеллектуалы нарушили целостность империи. Они не относились ни к крупными землевладельцам, ни к торговцам, поэтому не могли стать ни «австрийскими», ни немецкими. Среднее сословие, мелкопоместное дворянство, существовало только в Венгрии; и в Венгрии интеллектуалы, даже словацкие или румынские по происхождению, могли стать «мадьярами», как шляхта. Интеллектуалам повсюду пришлось создать свою собственную национальность, «спящую» национальность своего отца-крестьянина.

Ранние национальные движения создавались и возглавлялись писателями, главным образом поэтами и историками, и их политические убеждения были литературными, а не реалистичными. Национальные лидеры говорили так, как будто их поддерживал сознательный, организованный народ; но они знали, что нация все еще существовала только в их книгах. Один из чешских зачинателей заметил на встрече со своими собратьями-писателями в Праге: «Если бы сейчас на нас обрушился потолок, то это был бы конец национального возрождения». Существовая в замкнутом воображаемом мире, эти первые лидеры снова сражались в исторических битвах, разыгранных столетие назад. Они не знали, когда идти на компромисс, а когда сопротивляться, и в первую очередь они не понимали, что использовать для сопротивления. Они не понимали, что политика есть конфликт сил; они полагали, что это конфликт аргументов. Они привлекали права, а не сторонников. Якобинцы использовали права человека, дабы вдохновлять революционные армии; в Габсбургской монархии национальные лидеры считали, что одних прав достаточно, а накопление прав невозможно. Они трудились над законностью своих притязаний так же усердно, как Карл VI добивался европейского подтверждения Прагматической санкции. Каждая нация претендовала на то, чтобы быть наследницей одного из древних королевств, на руинах которого была построена Габсбургская монархия; и те нации, которые не могли обрести своего государства, претендовали, по крайней мере, на провинцию. Немецкие националисты посягали на наследство Священной Римской империи; венгры объявили «все земли

Святого Стефана» мадыарским национальным государством; хорваты требовали «Триединого королевства», которым когда-то правил хорватский король. Исторические и национальные притязания перемешались – это был классический трюк австрийской политики XIX в. Большинство в каждой провинции настаивало на том, чтобы историческая единица стала национальной единицей; меньшинство требовало перекройки провинции по национальному признаку. Таким образом, немецкое большинство в Штирии утверждалось против провинциального единства словенцев, которое чешское большинство утверждало против немцев в Богемии.

Национальные лидеры сражались интеллектуальным оружием и за интеллектуальное вознаграждение. Они основывали национальные академии и требовали национальных университетов. Немцы стремились сохранить свою монополию государственных служащих, остальные – проникнуть в нее. Национальная борьба являлась борьбой за место в бюрократии. Призрачное присутствие масс за кулисами играло роль подкрепления, появление которого не ожидалось. Во второй половине XIX в. массы уже не желали принимать на себя эту скромную роль. После 1848 г. города начали расти все более возрастающими темпами. Отмена барщины во время революции разорвала последнюю юридическую связь, которая прикрепляла крестьянина к земле; и, что еще более важно, традиционный образ жизни, который связывал крестьян еще крепче, чем принудительный труд, был разъеден неумолимой кислотой революционных настроений, распространившихся из Франции. Сельская жизнь не выдерживала воздействия рационализма. Крестьянский поток хлынул в города и затопил немецкие «острова»; города в конце концов приняли национальность сельской местности. Более того, рост городов являлся одновременно и причиной, и следствием индустриализма; и возникшие из-за этого классовые конфликты снова приняли национальную форму. Старые утвердившиеся капиталисты и квалифицированные ремесленники были немцами; новые, исполненные надежд капиталисты и неквалифицированные рабочие – чехами или словенцами. Таким образом, вторая фаза национальных движений, хотя все еще городская, имела более широкий размах: произошли массовые вспышки недовольства, которые интеллектуальные лидеры уже не могли усмирить или контролировать,

и националисты стали бороться за богатство и власть, а не за исключительно теоретический принцип.

Наконец, в XIX в. последовала третья фаза, которая не успела завершиться, когда Габсбургская монархия окончательно рухнула. Национализм – это интеллектуальная концепция, невозможная без наличия грамотности. Человек, который не умеет читать и писать, говорит на «диалекте», который становится «национальным языком» только на печатной бумаге. Национальное движение возникло из крестьян; оно не могло охватить крестьян, пока они оставались неграмотными, способными лишь назвать себя «здесьним человеком». С ростом городов национализм возвращается к своему источнику. Массовая грамотность, продукт города и промышленной системы, распространилась на деревню и породила крестьянский национализм. Этот национализм также отражал классовые конфликты и амбиции: он ненавидел большие поместья, но не любил и городскую жизнь, и даже городской национализм с его более богатым интеллектуальным налетом. Профессоров оттолкнули в сторону, а последними национальными лидерами Габсбургской монархии стали священники, враги французских революционных идей, из которых возникли национальные движения.

Такой обширный характер национального развития скрывает значительные различия во времени и пространстве. Габсбургская монархия распростиралась по всей Европе от Швейцарии до Турции на протяжении столетий. Наиболее глубокое разделение существовало, без сомнения, между господствующими нациями и угнетенными народами: венграми (мадьярами), германцами, поляками и итальянцами, с одной стороны, и славянскими народами (отличными от поляков) и румынами – с другой. Но и господствующие нации враждовали между собой, хотя им угрожала общая опасность: итальянцы боролись за освобождение от немцев, а «мадьяризация» не пощадила немцев в Венгрии. Кроме того, подвластные народы не были сведены к единому характеру общим подчинением. Чехи, с их процветающей интеллектуальной жизнью и расширяющейся капиталистической промышленностью, стали нацией среднего класса; хорваты, с их более малочисленным дворянством и нитью исторической преемственности, сохранили аристократический облик; и те и другие отличались от «крестьянской нации». Опять же, нации, в

которых сохранялось протестантство – чехи и мадьяры, – обладали большей независимостью духа, чем римско-католические народы, хорваты или венгры, на которых Габсбурги все еще могли воздействовать религиозной мерой наказания. Как протестантские, так и римско-католические нации чувствовали себя в монархии Габсбургов более комфортно, чем православные, сербы и румыны, для которых империя была в лучшем случае чужеродным покровительством.

Династия по-прежнему затмевала национальные амбиции и споры; и враждующие нации стремились захватить династию, а не свергнуть ее. Только итальянцы в начале XIX в. и сербы в начале XX в. просились выйти из империи Габсбургов; и империя была расшатана до основания одними и распалась на куски из-за других. Всеми остальными Габсбурги могли маневрировать. В первой половине XIX в. династии угрожали две великие исторические нации – немцы и мадьяры, и, чтобы защитить себя, она возродила политику Иосифа II и призвала на помощь угнетенные народы. Это было главным событием 1848 г., поворотным моментом в судьбе Габсбургов. Династия не могла уйти от собственного исторического наследия: она не могла отказаться от взглядов Контрреформации или объединиться с крестьянами против их господ. Династическая власть, мадьярские и немецкие привилегии – все это по-своему отрицало демократию; и Габсбурги не осмеливались использовать демократию против мадьяр и немцев, опасаясь, что это может обернуться против них самих. Перед лицом угрозы со стороны угнетаемых народов старые бойцы уладили свои разногласия; таков был компромисс 1867 г. Династии не удалось уйти от этого компромисса; и династия, германцы и мадьяры оказались вовлечены в общую погибель.

Глава 3

Старый абсолютизм: Австрия

Меттерниха, 1809–1835 гг

В 1804 г. земли Дома Габсбургов наконец получили название: они стали Австрийской империей. В 1805 г. мечта Габсбургов о всемирной монархии издала последний писк, и Франц нацелился защитить Европу от Наполеона. Аустерлиц разрушил мечту, уничтожил реликвии Священной Римской империи и оставил Франца в лучшем случае императором второго сорта. Австрия, как бы там ни было, вышла из всего независимой страной и устремилась к самостоятельному курсу. Результатом стала война 1809 г., попытка найти новую движущую силу для освобождения Германии. Эта война едва не уничтожила Австрийскую империю. Наполеон призвал к венгерскому восстанию и даже разработал планы сепаратного Богемского королевства. Австрию спасла не сила ее армий и не верность ее народов, а ревнивость ее имперских соседей: российский царь Александр I и Наполеон не смогли договориться об условиях раздела и довольствовались пограничными приобретениями – Александр присвоил себе Восточную Галицию, а Наполеон превратил южнославянские земли во французскую провинцию Иллирию. События 1809 г. определили характер австрийской политики на сорок лет, а то и на целое столетие существования империи. Австрия стала «державой-необходимостью» Европы^[6]. Выражаясь более четко, можно сказать, что великие державы согласились с тем, что фрагменты, уцелевшие от стремления Габсбургов к всемирной монархии, были более безобидными в руках Габсбурга, чем в руках какого-то нового претендента на мировую империю. Характер Австрийской империи четко проявился в противопоставлении Австрии и Пруссии. После поражения Наполеона обе страны вернулись в ряды великих держав; но Пруссия достигла этого посредством жестких реформ, а Австрия – посредством гибкой дипломатии и искусных договоров.

Такую Австрию олицетворял Меттерних, ставший министром иностранных дел в 1809 г. и представлявший Австрию в Европе в течение тридцати девяти лет. Он был выходцем из Рейнской области, западноевропейским по воспитанию и мировоззрению, запоздалым рационалистом эпохи Просвещения, любившим строить абстрактные политические системы и убежденным в своей непогрешимости. Дипломатическое искусство Меттерниха провело Австрию через опасные годы между 1809-м и 1813-м и сделало ее центром европейского порядка, последовавшего за падением Наполеона, – Венский конгресс стал символом его достижений. Поскольку Австрия являлась необходимостью Европы, то и Европа являлась необходимостью Австрии. Австрия не могла проводить политику изоляции или даже независимости; она всегда должна была оправдывать свое существование, выполнять миссию – выстраивать систему альянсов. Внешняя политика Меттерниха выросла из горького опыта, с которым он вступил в должность: он опасался действий, всегда стремился откладывать решения и заботился только о спокойствии. Европа после Наполеона также желала покоя; и, таким образом, Меттерних находился в гармонии с европейскими настроениями. Ему не повезло в том, что он пережил уставшее от войны поколение и уцелел в Европе, которая требовала более позитивных идей.

Меттерних, как и другие европейские государственные деятели 1815 г., полагал, что любая новая угроза европейскому порядку снова придет из Франции, и его внешняя политика была направлена на изгнание призрака Наполеона. Империя Наполеона опиралась на господство французов в Италии и Западной Германии; теперь они сгруппировались под австрийской защитой. Франц не восстановил свой титул императора Священной Римской империи, и его отречение позже приобрело символическое значение. В 1815 г. изменение казалось скорее номинальным, чем реальным. Старый титул был фикцией, которую считали таковой даже Габсбурги. Германская конфедерация, созданная в 1815 г., служила более тесным союзом, чем распавшаяся империя, и Австрия, как председательствующая держава, по-прежнему имела принципиальное право голоса в германских делах. Австрия не отказалась от главенства Германии в 1815 г. Скорее наоборот: она доказала свой германский характер, хотя и

воспринимала Пруссию как вторую великую державу в Германии; это партнерство состояло в том, что Пруссия выполняла работу, а Австрия пользовалась почестями. Австрия и Пруссия были слишком потрясены Наполеоновскими войнами, чтобы вступать в соперничество; общий страх перед Наполеоном свел их вместе, а общий страх перед Францией и, более того, перед французскими идеями удерживал их вместе целое поколение после Лейпцига и Ватерлоо. Теоретически Австрия и Пруссия объединились для защиты Германии; на практике Австрия оставила главную задачу Пруссии и слишком поздно обнаружила наказание за свою хитрость.

Особой австрийской миссией, *chef d'oeuvre* (шедевром) дипломатии Меттерниха, была безопасность Италии. Эта задача возникла случайно – благодаря обычному ходу дипломатии XVIII в., посредством которого в 1797 г. Австрия приобрела Венецию в качестве компенсации за австрийские Нидерланды. Венеция и Ломбардия (австрийское приобретение после Войны за испанское наследство) были потеряны для Наполеона и стали королевством Италии; в 1814 г. они вернулись в империю Габсбургов и получили отдельный статус как королевство Ломбардии-Венеции, теперь уже не в качестве отдаленных провинций, а неотъемлемые от существования Австрии. Внешняя политика Австрии сосредоточилась на итальянском вопросе более сорока лет – даже в 1866 г. Италия проиграла Австрии войну против Пруссии. «Итальянской» миссии надлежало стать оправданием Австрии в глазах Европы. Даже связанные с этим неприятности имели свою пользу: они привлекали внимание европейцев к Австрии, как странный недуг привлекает внимание к человеку, в остальном ничем не примечательному. Итальянский вопрос смягчил затруднения Австрии ни в одном дипломатическом кризисе: Англия хотела оградить Италию от Франции, Россия стремилась оградить ее от Англии, поэтому в других вопросах обе страны обращались с Австрией более обходительно. Имелись и более глубокие мотивы упорства австрийцев в Италии. Королевство Ломбардия-Венеция служило последней связью с идеей всемирной империи. Это сделало Австрийскую империю средиземноморской державой и частью Западной Европы и спасло Габсбургов от превращения в чисто немецких князей.

Прежде всего «австрийская идея» была поставлена на карту Италии. Габсбургская империя основывалась на традициях, «династических правах» и международных договорах; принцип «легитимизма» был для нее неотъемлемым. Национальный принцип, заложенный Наполеоном в Италии, отрицал легитимизм и бросал вызов основам габсбургского существования. С другими противниками Габсбурги могли пойти на компромисс; они могли заключить сделку даже с германским национализмом, как в течение полувека подразумевали проекты Великой Германии; только итальянский национализм оставался непримирим. Итальянские радикалы не искали уступок от Габсбургов, не стремились «захватить» династию или обеспечить особое положение в империи; они даже не стремились к историческому почитанию, ссылаясь на «железную корону Ломбардии»^[7]. Итальянское движение, немногочисленное и лишенное материальной силы, олицетворяло идею, полностью подрывающую монархию Габсбургов, и поэтому Меттерних и его система находились в постоянной борьбе с ней. Большая часть австрийской армии сосредоточилась в Северной Италии. Италия являлась главной темой дипломатии Меттерниха, и участь остальной империи определялись итальянскими событиями, как в 1848, так и в 1859 г. Победы Радецкого привели к поражению революций 1848 г. Маджента и Сольферино свергли абсолютизм в 1859 г. Как и конфликт с Сербией столетие спустя, столкновение между Габсбургской империей и итальянским национализмом было знаковым столкновением двух миров.

Внешняя политика Меттерниха основывалась на предположении, что западные дела первостепенны: французская агрессия, по его мнению, служила главной угрозой Венским договоренностям, а безопасность Германии и Италии – его главной проблемой. Предположение оказалось ошибочным: Франция миновала зенит своего подъема и никогда больше не стремилась к господству над Европой. Угроза существованию Австрии, окончательно ее уничтожившая, исходила из России, а не из Франции, и наиболее острой австрийской проблемой являлся так называемый восточный вопрос. В XVIII в. восточный вопрос представлял собой всего лишь соперничество между Австрией и Россией за приобретение турецкой территории. Теперь решение более не представлялось возможным.

Последнее русское приобретение 1812 г. вывело Россию на берег Дуная, и новый выигрыш перенес ее через него. Но до появления железных дорог Дунай служил единственной экономической связью Австрии с внешним миром и ее самым важным звеном даже после ее появления, и Австрия не могла передать контроль над устьем Дунайского прохода России, продолжая оставаться независимой державой. Дальнейший раздел был исключен; этот факт, лишь постепенно осознанный австрийскими дипломатами и никогда не осознанный русскими, преобладал в восточном вопросе между 1812 и 1814 гг. Турция тоже стала необходимостью Европы; Австрия и Турция, обе зависевшие от легитимизма, а не от собственной силы, оказались связаны друг с другом. Генц, политический писатель, снабжавший Меттерниха идеями, писал в 1815 г.: «Австрийцы могут пережить конец турецкой монархии, но лишь на короткое время».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

СНОСКИ

1

Чешско-венгерского короля Людовика. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иного.)

Прагматическая санкция (*лат.* Sanctio Pragmatica, *нем.* Pragmatische Sanktion) – закон о престолонаследии, принятый императором Священной Римской империи Карлом VI 19 апреля 1713 г.

Это не относится к Северной Италии, где вся земля принадлежала землевладельцам, а так называемые крестьяне были, по сути, фермерами-арендаторами, как в современной Англии. Это, без сомнения, основная причина промышленного развития Северной Италии. *(Примеч. авт.)*

Конвент – собрание, в католической церкви – наименование общины монахов и каноников и именование монастырей в некоторых монашеских орденах.

Вандейское восстание – гражданская война между сторонниками и противниками революционного движения на западе Франции, преимущественно в Вандее, длившаяся с 1793 по 1796 г.

6

То есть стабилизатором национальностей и наций, для которого не существовало никакой возможной замены.

Это одна из самых древних (если не древнейшая) корон в Европе. Считалось, что в корону вделан обруч, который выковали из гвоздя, которым Господь был прибит к кресту. Железная корона стала официальной регалией Итальянского королевства в составе Священной Римской империи. Ею короновались почти все императоры. В 1805 г. железной короной короновался Наполеон I в качестве короля Италии.